

DOI: 10.31696/S086919080038221-0

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЖЕНЩИН В ГАНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© 2026

Т.С. ДЕНИСОВА ^a, С.В. КОСТЕЛЯНЕЦ ^b^{a, b} – Институт Африки РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com^b – ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу специфики политического участия женщин в Гане – первой стране Тропической Африки, обретшей независимость, но до сих пор демонстрирующей отставание в гендерном паритете в органах власти. На основе системного подхода и анализа электоральной статистики за период с 1997 по 2024 г. рассматривается ряд институциональных, социокультурных и экономических факторов, сдерживающих представительство женщин. Показано, что, несмотря на конституционные гарантии равенства и активную роль женщин в истории страны, их доля в парламенте остаётся критически низкой – 12,8%, что почти вдвое уступает среднеафриканскому показателю (24,5%) и контрастирует с успехами соседних государств. Принятый в 2024 г. закон о позитивной дискриминации, устанавливающий целевые квоты, пока не смог преодолеть системные барьеры: глубоко укоренившиеся патриархальные стереотипы, высокую стоимость избирательных кампаний, угрозы политического насилия, а также дефицит ресурсов у потенциальных кандидаток и нежелание части экономически самостоятельных женщин переводить капитал в рискованную политическую карьеру. Внимание уделено амбивалентной роли традиционных институтов: в обществе ашанти, где значимы матрилинейные механизмы наследования и политической преемственности, институт «королевы-матери» служит важным фундаментом для женского лидерства и участия в управлении, тогда как на патриархальном севере жёсткие традиционные нормы продолжают ограничивать политическую активность женщин. Анализ деятельности политических партий выявил острый разрыв между декларируемой приверженностью гендерному равенству и реальной практикой: женские крылья партий лишены влияния, а предоставляемые им материальные льготы незначительны. Сделан вывод о том, что в условиях дефицита политической воли государства главными акторами продвижения гендерной повестки становятся активные женские неправительственные организации. Они компенсируют недостаток представительства в институтах власти, оказывая кандидаткам образовательную и правовую поддержку, защищая социально-экономические права женщин и продвигая законодательные инициативы, необходимые для формирования новой общественной повестки.

Ключевые слова: Гана, гендерное равенство, политическая активность, политическое участие, представительство женщин, выборы, общественные организации, женские НПО, традиционализм

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Политическая роль женщин в Гане: социокультурные особенности и роль общественных организаций. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 163–174. DOI: 10.31696/S086919080038221-0

WOMEN'S POLITICAL ROLE IN GHANA: SOCIOCULTURAL SPECIFICS
AND THE ROLE OF CIVIL SOCIETY ORGANIZATIONS

© 2026

Tatyana S. DENISOVA ^a, Sergey V. KOSTELYANETS ^b^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com^b – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract: *The article analyzes women's political activity in Ghana, the first country in Tropical Africa to gain independence. Based on systemic approach and analysis of electoral statistics, the institutional, sociocultural, and economic factors determining the low level of women's representation in government bodies are examined. It is shown that despite constitutional guarantees and gender-sensitive policies, the share of women in parliament remains only 12.8% (compared to the African average of 24.5%). The 2024 Affirmative Action Act establishing quotas has yet to overcome systemic barriers: deeply entrenched patriarchal stereotypes, high campaign costs, threats of political violence, and a lack of resources among potential female candidates combined with the reluctance of some economically independent women to risk their capital in high-stakes political ventures. Special attention is paid to the role of traditional institutions: among the Ashanti, the Queen Mother institution promotes female leadership, whereas in the patriarchal north of the country, women's influence on decision-making remains minimal. The analysis of major political parties revealed a tangible gap between declared commitment to gender equality and real practice: party women's wings are deprived of real influence, and the material benefits provided to them are insignificant. The conclusion is drawn that in conditions of a deficit of political will women's non-governmental organizations become the main actors in promoting the gender agenda. They compensate for the lack of representation in formal power institutions by providing educational and legal support to candidates, protecting women's socio-economic rights, and promoting legislative initiatives necessary for forming a new public agenda.*

Keywords: Ghana, gender equality, political activity, political participation, women's representation, election, civil society organizations, women's NGOs, traditionalism

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Women's Political Role in Ghana: Sociocultural Specifics and the Role of Civil Society Organizations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 163–174. DOI: 10.31696/S086919080038221-0

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы представительства и политического участия женщин (первое относится к их количеству на руководящих должностях, второе – к характеру деятельности), их доступа к финансовым и административным ресурсам и вовлеченности в процессы принятия ответственных решений можно рассматривать в качестве важного индикатора устойчивого развития государства. Несмотря на значительный прогресс в достижении гендерного равенства, наблюдавшийся в последние десятилетия, не адекватное их доле в численности населения представительство женщин в органах власти сохраняется во многих регионах мира, в т. ч. в Африке южнее Сахары (АЮС), где оно ограничивается совокупностью социокультурных, экономических и прочих факторов. Это характерно и для Ганы – первой

страны Тропической Африки, обретшей независимость в 1957 г. Во все исторические периоды женщины играли значительную роль в общественной жизни этой страны, однако их вклад долгое время оставался недостаточно признанным и разрыв в уровнях политического представительства мужчин и женщин не сокращается.

Вопросы социально-экономического положения женщин и гендерных аспектов африканской культуры широко представлены в работах российских африканистов [Прокопенко, 2018; Ксенофонтова и др., 2021; *Гендерное насилие*, 2022; *Гендерный аспект*, 2024; Гашков, 2023; Ксенофонтова, 2024; Лакоба, 2025]. Однако вопросы политического представительства/участия африканок и их роли в политическом развитии страны в целом удостоились пока незначительного внимания исследователей, и данная статья нацелена на восполнение этого пробела. Новизна заключается в комплексном сопоставлении электоральной динамики, институциональных ограничений, роли традиционных структур власти, политики государства и деятельности женских НПО применительно к ганскому материалу.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать политическое участие женщин как комплексный процесс, зависящий от совокупности исторических, социокультурных и экономических факторов. В работе применены методы сравнительного анализа (для сопоставления ганских показателей с данными других стран Африки), статистического анализа электоральных данных, а также институциональный подход к изучению деятельности государственных органов и некоммерческих организаций. Эмпирическую базу исследования составили официальная статистика, законодательные акты Ганы и отчеты международных организаций.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ГАНСКИХ ЖЕНЩИН В ОРГАНАХ ВЛАСТИ

В существующей литературе предлагается несколько подходов для объяснения гендерных разрывов в политическом представительстве/участии. Среди них – использование выработанной еще в 1990-е годы т. н. ресурсной модели участия [Занина, Смирнова, 2022], указывающей, что в обществах с сильными патриархальными нормами, ограничивающими для женщин свободу действий в публичной сфере, мужчины негативно реагируют на расширение политического представительства женщин, причем соответствующие социальные нормы могут иметь негативные побочные последствия. Например, их внедрение может привести к отказу от общественно полезной деятельности.

Между тем женщины составляют более половины (50,1%) населения Ганы [Ghana, 2026], однако их представительство в политических институтах значительно ниже мужского. Так, доля ганок – депутатов парламента в 2024 г. составила 12,8% (от 276 депутатов) при среднеафриканской в 24,5%. С 1997 по 2023 г. средняя доля женщин в депутатском корпусе достигала 10,76% при минимуме в 7,89% (20 из 230 парламентариев) в 2008 г. и максимуме в 14,55% (40 из 275) в 2021–2023 гг. [Ghana, 2024]. Для сравнения: среднемировой показатель составляет 26,9%, в соседней Нигерии – менее 4%, тогда как в Сенегале женщины занимают свыше 46% парламентских мест [Women, 2023].

В 2024 г. из 918 кандидатов, баллотировавшихся на 276 депутатских мест, 118 (12,8%) были женщинами. Причем, когда ганки выдвигаются на политические должности, они, как правило, выигрывают пропорционально количеству женских кандидатур. Иными словами, если они составляют 10% кандидатов, то и получают 10% мест в парламенте, т. е. дискриминации по гендерному принципу не происходит. Таким образом, то обстоятельство, что по результатам выборов 2024 г. женщин-депутатов в Гане стало всего на 3 (43) больше, чем в 2020 г. (40), и это при том, что избранный в 2024 г. главой государства Джон Махама уже

и в годы (2012–2017) своего первого президентства проводил «гендерно-чувствительную» политику, учитывавшую различия в потребностях и интересах полов, можно объяснить наличием комплекса факторов, снижающих мотивацию ганок к политическому участию.

Хотя число женщин в парламенте росло, это происходило на фоне увеличения численности всего депутатского корпуса, а неофициальная квота в 30% достигнута не была. То есть, с одной стороны, наблюдается тенденция к возрастанию доли женщин-кандидатов, побеждающих на выборах; с другой – их незначительное представительство свидетельствует о низкой мотивации к масштабному участию в политической жизни.

Закон о позитивной дискриминации от 2024 г. поставил целевые показатели представительства женщин (до 50% к 2030 г.), однако не прописал механизмы их достижения. Обсуждение закона показало, что на практике женщины продолжают сталкиваться с насилием и запугиванием [Екре, 2026].

В ходе кампании 2024 г. и правящая Новая патриотическая партия (НПП), и оппозиционный Национальный демократический конгресс (НДК) декларировали приверженность гендерному равенству, однако результативность таких заявлений оказалась низкой: доля женщин в парламенте не достигла половины от предлагаемых квот. В своей инаугурационной речи 7 января 2025 г. Дж. Махама заявил, что НДК, ставший после всеобщих выборов 2024 г. правящей партией, намерен «разбить стеклянный потолок» для женщин в политике [Bauer, Darkwah, 2024]. Однако, как показывает опыт, само по себе введение квот не является панацеей. Эффективность этой стратегии зависит от квалификации кандидатов: простое заполнение мест ради квоты может привести к появлению некомпетентных лидеров.

На уровне местного самоуправления доля женщин в органах власти еще ниже, нежели в парламенте: в некоторых округах она едва достигает 5% [Odamе, 2010]. Женщины составляют лишь около 15% глав администраций, а закон о резервировании 30% мест в окружных собраниях не работает из-за нехватки кандидатур. Несмотря на то, что в 10 регионах Ганы численность женщин превышает численность мужчин, лишь в двух из них женщины занимают посты окружных министров, а в четырех нет ни одной женщины – депутата районной ассамблеи [Azinim, 2023, p. 12–13].

Назначение женщин на ключевые посты (председателя Верховного суда, спикера парламента) и выдвижение Н.К.А. Ролингс в президенты создавали иллюзию прогресса, однако вызвали бурные общественные дебаты и не стали системной практикой. На 2026 г. из 19 министров, назначенных Махамой, женщинами являются шестеро (т.е. немногим более 30%) [Bauer, Darkwah, 2024]. Для сравнения: в 2013 г. доля женщин-министров в кабинете достигала 38,9%, а в 2023 г. – 16% [Azinim, 2023, p. 12–13], т. е. этот показатель зависит не только от гендерной политики, но и от наличия женщин, способных занять высокие правительственные должности.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Дж. Махама продолжил политику гендерного равноправия, начатую первым премьер-министром (1957–1960) и президентом (1960–1966) Ганы Кваме Нкрумой, еще в начале 1960-х гг. назначившим 10 женщин в Национальную ассамблею [Boateng, Kosi, 2015, p. 1]. К. Нкрума высоко оценивал политический потенциал женщин, отмечая, что «степень революционного сознания страны можно измерить политической зрелостью её женщин» [Ansah, Nketsiah, 2019, p. 296].

Со времен Нкрумы политические партии призваны были играть важную роль в вовлечении женщин в общественную деятельность. В настоящее время обе крупнейшие партии –

НДК и НПП – располагают женскими отделениями, занимающимися формированием соответствующего электората. Еще в 2015 г. НПП попыталась ввести правило преемственности, в соответствии с которым занимавшаяся женщиной должность должна была закрепляться за женщинами, но это предложение так и осталось на уровне риторики, не получив одобрения ни у одного из полов: опасения, что «обиженные» мужчины будут баллотироваться в качестве независимых кандидатов или переходить в другие партии, привели к отказу от этой идеи. Поддержка, которую на сегодняшний день получают кандидаты-женщины, заключается лишь в скидке для них на регистрационные сборы, взимающиеся за выдвижение от партии, но эта скидка меркнет по сравнению с огромными финансовыми затратами кандидатов [Azinim, 2023, p. 12–13], которые женщина-политик далеко не всегда может себе позволить.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ

Традиционные нормы во многом определяют вовлеченность женщин в политику: эта сфера нередко воспринимается как мужская, а ассоциация женщин прежде всего с ролями жен и матерей снижает их готовность участвовать в принятии решений. Вместе с тем в Гане существуют устойчивые традиции женского политического участия. Однако речь не идет о матриархате: даже там, где важную роль играют матрилинейные механизмы наследования и преемственности, политические структуры в целом сохраняют преимущественно патриархальный характер.

Это, однако, не исключало появления влиятельных женских фигур в политической истории страны. В 1900 г. королева-мать Яаа Асантева возглавила сопротивление британским колонизаторам, став символом женского лидерства в истории Ганы.

Хотя в регионе Ашанти вождями общин, как правило, становятся мужчины, при отсутствии подходящего кандидата эту роль может занять и женщина. Например, с 1919 по 1934 г. общиной Азиаква управляла Нана Афия Боатемаа, а избранная в 1964 г. традиционным вождем Нана Шима Деки XIII за 38 лет (по 2002 г.) ее правления ни разу не столкнулась с недовольством ее подданных [Odamе, 2012, p. 8]. У ашанти институт «королевы-матери» конституционно признан и наделяет женщин правом участвовать в управлении, назначать вождей и разрешать споры, что создает уникальный прецедент женского лидерства [Constitution, 1992, p. 134].

Между тем попытки женских НПО ввести институт «королевы-матери» на патриархальном севере натолкнулись на сопротивление. Женщины здесь лишены прав на землю и наследование, а попытки реформ через Центр знаний и развития коренных народов (ЦЗРКН) дали минимальные результаты. Многие женщины, прежде всего мусульманки, сопротивляются нововведениям и защищают свое, как они считают, «культурное наследие».

Когда в 2009 г. ЦЗРКН объявил о создании института королевы-матери на севере, это было воспринято наиболее активными и политизированными женщинами с радостью, но на практике влияние новых «королев» на принятие решений осталось незначительным.

Таким образом, если в обществах центральных районов Ганы, прежде всего у ашанти, где существенную роль играют матрилинейные механизмы наследования и преемственности, участие женщин в общественной и политической жизни получает большую культурную легитимность, то на патриархальном севере, особенно в мусульманских общинах, оно, хотя и не запрещается, но ограничивается обычаями: большинство северных племенных сообществ не имело в своей культуре ничего похожего на королеву или королеву-мать, поэтому и современным мужчинам труднее смириться со стремлением своих жен к управлению общиной [Odamе, 2012, p. 8].

Даже успешные примеры женского лидерства на севере остаются единичными. Культурные нормы столь сильны, что сами женщины нередко отказываются от политических постов в пользу мужчин. Единственную назначенную женщину-парламентария из г. Калео её же соплеменницы уговорили уступить место мужчине [Odame, 2012, p. 19]. То есть даже женщины не готовы принимать своих «сестёр» в качестве политических лидеров: существуют культурные ценности, не подлежащие компромиссу ради перемен.

В целом же женское лидерство может принимать две основные формы: предписанное/наследственное (в Ашанти) и заслуженное/достигнутое (например, в Калео). В отличие от наследственных «королев» (сакральных фигур), женщины-лидеры, достигшие статуса личными усилиями, часто сталкиваются с противодействием и угрозами.

Существующие общественные собрания («дурбары») вовлекают женщин в патронажные сети, но редко приводят к реальному участию во власти. Модель «спроса и предложения» объясняет это тем, что патриархальный «спрос» подавляет политические амбиции женщин, даже если у них есть ресурсы. Потенциальные кандидаты, добровольно выдвигающие свои кандидатуры на политические должности, находятся под влиянием «факторов предложения» (личные качества, амбиции, жизненный опыт, образование, экономические ресурсы и пр.), формирующих цели и задачи претендентки. С другой стороны, «факторы спроса», т. е. особенности той или иной страны, её социальной структуры, избирательной системы или характера политических партий, влияют на вероятность того, что женщина будет вовлечена в политическую деятельность, т. е. на её самовыдвижение в качестве политика. Следует отметить, что культура, убеждения и взгляды, бытующие в том или ином обществе, влияют как на «предложение», так и на «спрос» на женщин-кандидатов. Например, в обществах с жёсткими патриархальными нормами политическое представительство женщин нередко воспринимается негативно, тогда как там, где позиции женщин в системе родства и локального управления институционально закреплены, такое участие легче легитимизируется.

Все эти факторы формируют правила политической игры, однако не все категории людей готовы участвовать в политике даже в благоприятных для этого условиях: независимо от наличия факторов предложения (амбиции, ресурсы) возможности женщины стать потенциальным кандидатом по сравнению с возможностями мужчины остаются намного меньшими, поэтому она с большой вероятностью может отказаться от участия в выборах. То есть гендер влияет на политические амбиции. Действительно, устойчивая природа традиционной гендерной социализации, специфические семейные роли и ожидания продолжают оставаться препятствиями на пути женщины в политику.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

С индексом человеческого развития (ИЧР) для женщин 0,505 (общий – 0,910) Гана входит в число стран с заметным гендерным неравенством. Известно, что ИЧР рассчитывается на основе показателей грамотности, образованности, уровня жизни и некоторых других. Что касается первого, то уровень грамотности женщин в Гане достигает 65%, мужчин – 78%, хотя девушек 15–24 лет – 83%, а юношей – 90%, т. е. разрыв постепенно сокращается. Данные же о посещаемости начальной и средней школы и вовсе свидетельствуют о практически полном паритете – 92,2% для девочек и 92,8% для мальчиков [Brief, 2024]. В высшей же школе на гуманитарных факультетах число девушек даже превышает число юношей и находится в пропорции 100 к 96 [Ghana, 2023(2)], т. е. можно предположить, что многие ганки вполне в состоянии разбираться в вопросах политики. Таким образом, сложившаяся в Гане ситуация опровергает широко распространенное представление о том, что отсутствие или недостаток образования предопределяют меньшее участие в политической жизни.

Хотя около трети ганок занято в предпринимательстве, связь между финансовой самостоятельностью и выходом в политику не является прямой. Для значительной части женщин барьером остается нехватка средств, необходимых для ведения кампании и удовлетворения неформальных материальных ожиданий избирателей; для части экономически самостоятельных женщин, напротив, сдерживающим фактором становится нежелание вкладывать собственный капитал в рискованную политическую инвестицию. Кроме того, женщины часто лишены прав на землю – главного ресурса в аграрной стране, что ограничивает возможности для удовлетворения материальных запросов избирателей. В большую политику идут преимущественно представительницы интеллигенции – юристы (Джорджина Вуд, Джойс Бэмфорд-Аддо), преподаватели университетов (Н.Дж.О. Агьеманг – профессор литературы, вице-канцлер Университета Кейп-Коста), – опирающиеся на профессиональный авторитет, а не на капитал. Существенным стимулом может стать и наличие политически активного родственника (яркий пример – супруга главы государства в 1979 и в 1981–2001 гг. Дж.Дж. Ролингса – Н.К.А. Ролингс). Примечательно, что политическое участие замужних женщин считается более приемлемым, нежели незамужних [Ichino, Nathan, 2017, p. 13].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

После Первой Всемирной конференции по положению женщин, состоявшейся в Мехико в 1975 г., в Гане – в качестве национального механизма решения гендерных вопросов – был создан Национальный совет по делам женщин и развитию (НСЖР). Позже, по результатам состоявшейся в Пекине в сентябре 1995 г. Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, НСЖР представил в администрацию президента свою «дорожную карту» расширения политического участия женщин, что привело к интеграции НСЖР в правительственную администрацию и к созданию специальной системы взаимодействия его с соответствующими министерствами и ведомствами.

После введения в 1992 г. многопартийной системы и принятия Конституции, действующей и в настоящее время, Гана демонстрирует регулярность в проведении выборов и отсутствие препятствий в создании и деятельности общественных организаций, в т. ч. женских. В 1998 г. была сформулирована т. н. Политика позитивных действий, предусматривавшая обеспечение 40-процентного представительства женщин на всех уровнях власти: в государственных советах, комиссиях, комитетах, в т. ч. в Кабинете министров и Государственном совете. Однако по мере продвижения страны к достижению этой цели стала наблюдаться неоднозначная тенденция: в традиционных институтах управления функции королев-матерей расширились и даже само число традиционных правительниц/соправительниц увеличилось, а в современных органах власти представительство женщин осталось на прежнем уровне с незначительными улучшениями.

Массовые протесты женщин в июле 2000 г. против их политической и экономической маргинализации подтолкнули правительство к созданию в 2001 г. Министерства по делам женщин и детей (МДЖД). В 2004 г. в ответ на издание женскими НПО т. н. Женского манифеста МДЖД запустило Национальную политику по гендерным вопросам и вопросам детей, направленную на улучшение социальных, правовых, гражданских, экономических и культурных условий жизни этих групп населения [*National Gender Policy*, 2015]. В 2007 г. был принят Закон о домашнем насилии.

В 2013 г. после ряда реорганизаций и слияний профильное ведомство получило название Министерство по гендерным вопросам, делам детей и социальной защите (МГВВДСЗ)

[*Medium Term*, 2023] и возглавило процесс разработки Национальной гендерной политики (НГП) [*National Gender Policy*, 2015].

НГП была принята в 2015 г.; её основные положения включали достижение гендерного баланса во всех назначаемых правительством комитетах, советах и пр. официальных органах; институционализацию гендерно-ориентированного бюджетирования и обучение по вопросам гендерного равенства в государственных и муниципальных службах; внедрение мер по изменению поведенческих социокультурных норм и ценностей, препятствующих гендерному равенству; выделение министерствами и другими государственными учреждениями 30% средств на борьбу с бедностью среди женщин; расширение доступа к образованию, здравоохранению и обучению навыкам деятельности, приносящей доходы; поддержку программ наставничества для формирования пула женщин-лидеров [*Ghana*, 2023(1)]. В учредительных документах НГП достижение гендерного равенства рассматривается как реализация прав человека, как необходимое условие устойчивого развития и согласуется со статьями 17(1) и (2) Конституции 1992 г., гарантирующей «свободу женщин и мужчин, девочек и мальчиков» от всех видов дискриминации [*National Gender Policy*, 2015].

Следует отметить, однако, что препятствиями на пути обеспечения – под эгидой правительства – гендерного равенства и социальной защиты являются не только нехватка средств, выделяемых на эти цели, но и восприятие МГВВДСЗ как «потребляющего механизма», а не как учреждения, участвующего в цепочке создания стоимости, тем более что оно, в т. ч. из-за недостатка в соответствующно обученных кадрах, неэффективно играет роль координатора решения гендерных вопросов, хотя и регулярно проводит семинары по развитию у ганок организационных навыков. Впрочем, упоминание подобных мероприятий в отчетах МГВВДСЗ и различных НПО вовсе не означает, что «курсистки» получают качественное обучение. Напротив, описания работы «гендерных семинаров» свидетельствуют о том, что женщин на них направляют по разнарядке, иначе они отказываются под предлогом отсутствия времени [Burgess, Ayentimi, 2020].

Между тем недостаточное представительство женщин в парламенте и на руководящих государственных должностях получило обратный – компенсирующий это обстоятельство – эффект: оно привело к созданию многочисленных женских организаций, направленных среди прочего на продвижение гендерного равенства в политике. Эти организации играют важную роль в формировании общественной повестки, продвижении законодательных инициатив, способствуют развитию политического образования и на выборах поддерживают женщин-кандидатов.

ЖЕНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ОТ НАЦИОНАЛИЗМА К ПРАВОЗАЩИТЕ

Уже в первой половине XX в. в колонии Золотой Берег начали формироваться – по профессиональному, религиозному, региональному и пр. принципам – первые женские организации, ставшие площадками для обсуждения различных проблем, в т. ч. и политического свойства. Женщины – прежде всего рыночные торговки – активно участвовали в антиколониальном движении, поддерживая националистические политические партии и организуя массовые акции гражданского неповиновения, тем самым подрывая колониальную экономику и способствуя политическим переменам. Впрочем, эти действия были продиктованы интересами всего коренного населения и не были направлены на расширение прав женщин.

После создания в 1960 г. Национального совета женщин Ганы, контролировавшегося государством, и его роспуска в 1966 г. женское движение активизировалось лишь

в 1980-е гг. (тогдашней первой леди Н.К.А. Ролингс в 1981 г. было основано «Женское движение 31 декабря»), но настоящий расцвет независимых НПО начался с принятием Конституции 1992 г., закреплявшей за гражданами страны право на формирование независимых НПО, в т. ч. нацеленных на достижение гендерного равенства [Constitution, 1992, p. 36].

В 1991 г. в Лондоне была основана международная НПО *ABANTU for Development* (слово *abantu* в ряде африканских языков означает «народ»), целью которой стало расширение возможностей африканок в политической и экономической сферах [Екре, 2024]. Одним из наиболее значимых достижений *ABANTU* стало издание в 2004 г. Женского манифеста Ганы – документа, представляющего собой комплексный набор направленных правительству требований, касающихся вопросов политического представительства, экономических прав и социальной политики [Odamе, 2010].

Совсем недавно, в 2024 г., *ABANTU* запустила проект под названием «Укрепление потенциала в области гендерного равенства и социальной интеграции в преддверии ганских выборов 2024 и в последующие годы» в целях мобилизации большего числа женщин на избирательные участки и обеспечения избрания большего числа женщин [Екре, 2024].

В 1999 г. была создана НПО «Сеть за права женщин в Гане» (СПЖГ), к концу 2010-х гг. ставшая зонтичной примерно для 80 женских правозащитных групп, разбросанных по стране. Среди заявленных целей «Сети» была выработка стратегии борьбы за расширение прав женщин в производственной сфере и участие в реформировании законодательства. Особенностью организации является её присутствие во всех регионах Ганы в форме соответствующих координационных центров. Секретариат, реализующий политику НПО и действующий под ежедневным контролем его главы, находится в Аккре. СПЖГ сохраняет структуру, управляемую исключительно женщинами, ограничивая участие мужчин вспомогательными функциями.

Одним из наиболее важных направлений деятельности «Сети» является отстаивание права женщин на владение землей – едва ли не главный источник их дохода. Входящие в «Сеть» НПО также активно участвуют в образовательных программах для женщин – кандидатов в депутаты, проводят исследования и публикуют аналитические отчеты, нацеленные на формирование общественной дискуссии по поводу роли женщин в политике. Между тем в своей работе СПЖГ сталкивается со многими трудностями, в т. ч. с нехваткой финансирования и отсутствием организационной гибкости. Предполагалось, что «Сеть» будет довольствоваться лишь внутренними ресурсами – материальными в виде членских и других добровольных взносов и человеческими в форме волонтерской работы: таким образом основатели НПО стремились сохранить её независимость от влияния правительства, и отчасти ей это удалось. Дополнительную поддержку СПЖГ обеспечивает сотрудничество с рядом panaфриканских НПО [Britwum, 2017, p. 176–179].

В свою очередь, такие ганские НПО, как «Женщины в сферах права и развития в Африке» и Коалиция по борьбе с домашним насилием, участвовали в программах повышения осведомленности о судебных реформах, правах женщин и детей, а также о возможностях для женщин доступа к правосудию [National Gender Policy, 2015].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, женское движение в Гане отличается заметным разнообразием. В стране действуют НПО, работающие в различных сферах, включающих политическое представительство/участие, расширение экономических прав женщин, борьбу с домашним насилием и др. Однако слабая вовлеченность женщин в процессы принятия ответственных решений

обусловлена не только недостатком информации об их правах, но и национальным гендерным контекстом, который по-прежнему характеризуется сексистскими стереотипами и социальными нормами, затрудняющими применение правовой базы и мер, принимаемых для достижения гендерного равенства.

Несмотря на активность женских НПО и поддержку, оказываемую им международными институтами, политическое представительство ганок остается ограниченным из-за сочетания нескольких факторов: нехватки финансовых и имущественных ресурсов у значительной части потенциальных кандидатов, высокой стоимости избирательных кампаний, а также нежелания части экономически самостоятельных женщин вкладывать собственный капитал в политическую карьеру. Стереотипы в отношении политического представительства/участия женщин сохраняются не только в патриархальных общинах, но и на национальном уровне. Таким образом, именно женские НПО становятся теми политическими игроками, которые способны сыграть главную роль в продвижении гендерного равенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гашков В.О. Особенности карьерных стратегий женщин в политической элите в странах Африки (Руанда, ЮАР) и Океании (Австралия, Новая Зеландия). *Социогуманитарные коммуникации*. 2023. № 3. С. 87–96 [Gashkov V.O. Features of Women's Career Strategies in the Political Elite in Africa (Rwanda, South Africa) and Oceania (Australia, New Zealand). *Social and Humanitarian Communications*. 2023. No. 3. Pp. 87–96 (in Russian)].

Гендерное насилие в Африке: истоки, мотивы, виды. Отв. ред. Н.Л. Крылова, Н.А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2024 [Gender-Based Violence in Africa: Origins, Motives, Types. N.L. Krylova, N.A. Ksenofontova (eds.) Moscow: Institute for African Studies RAS, 2024 (in Russian)].

Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью. Отв. ред. Н.Л. Крылова, Н. А. Ксенофонтова. М.: Институт Африки РАН, 2022 [Gender Aspects of African Culture. Between Archaic and Modernity. N.L. Krylova, N.A. Ksenofontova (eds.) Moscow: Institute for African Studies RAS, 2022 (in Russian)].

Занина Т.М., Смирнова Ю.Ю. Эволюция моделей политического участия и современные вызовы политического развития в системе управления. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2022. № 2. С. 220–224 [Zanina T.M., Smirnova Yu.Yu. Political Participation Models Transformation and Modern Challenges of Political Development. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2022. No. 2. Pp. 220–224 (in Russian)].

Ксенофонтова Н.А. «Африканская Лисистрата» – женщина, остановившая войну. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 76–81 [Ksenofontova N.A. “African Lysistrata” – The Woman Who Stopped the War. *Asia and Africa Today*. 2024. No. 1. Pp. 76–81 (in Russian)].

Ксенофонтова Н.А., Ильина Н.Ю., Татаровская И.Г. *Женщины и культура. Африканские традиции. Современные тенденции*. М.: Институт Африки РАН, 2021 [Ksenofontova N.A., Ilina N.Yu., Tatarovskaya I.G. *Women and Culture. African Traditions. Modern Trends*. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2021 (in Russian)].

Лакоба М.В. «Невидимые труженицы»: важнейшие тренды социально-экономического положения женщин в странах Африки южнее Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2025. Т. 11. № 3. С. 148–162 [Lakoba M.V. Invisible Toilers: Critical Trends in Women's Socio-Economic Status in Sub-Saharan Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. 2025. Vol. 11. No. 3. Pp. 148–162 (in Russian)].

Прокопенко Л.Я. *Женщины и власть (на примере стран Юга Африки)*. М.: Институт Африки РАН, 2018 [Prokopenko L.Ya. *Women and Power (Case Study of Southern African Countries)*. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2018 (in Russian)].

Ansah R.A., Nketsiah J. Women's Participation in Local Politics in Agona East Constituency of Ghana. *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2019. Vol. 9. No. 10. Pp. 294–306.

Azinim M. Under-representation of Women in Leadership in Ghana: Action Needed to Achieve the Sustainable Development Goals. *UNDP*. 2023. https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-09/undp_ghana_paper-_women_representation_in_governance_in_ghana-.pdf (accessed: 12.02.2026).

Bauer G., Darkwah K. Ghana's Election System Keeps Women out of Parliament. How to Change That. *The Conversation*. 2024. <https://theconversation.com/ghanas-election-system-keeps-women-out-of-parliament-how-to-change-that-245187> (accessed: 08.02.2026).

Boateng J.S., Kosi I. Women's Representation and Participation in District Assemblies in Ghana: Analysis of Supply-Side and Demand-Side Framework. *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2015. Vol. 5. No. 10. Pp. 1–6.

Brief on Gender Equality and Women Empowerment. *ADF*. April 2024. https://www.uneca.org/eca-events/sites/default/files/resources/documents/acs/sixth-africa-gender-statistics-forum/03-genderbrief-ghana_en.pdf (accessed: 11.02.2026).

Britwum A. Women Organising in Ghana: The Network for Women's Rights (NETRIGHT) and NGO Networking for Policy Intervention. *Feminist Africa*. 2017. Vol. 22. Pp. 174–185. https://feministafrica.net/wp-content/uploads/2019/05/fa22_profiles_2.pdf (accessed: 01.03.2026).

Burgess J., Ayentimi D.T. Women in Ghana: Progress, but Important Challenges Remain. *The Conversation*. 06.03.2020. <https://theconversation.com/women-in-ghana-progress-but-important-challenges-remain-130065> (accessed: 10.03.2026).

Constitution of the Republic of Ghana. 1992. <https://constitutionnet.org/sites/default/files/Ghana%20Constitution.pdf> (accessed: 11.02.2026).

Ekpe R. ABANTU Begins Project to Strengthen Capacity for Gender Equality and Social Inclusion in Polls. *Ghana Broadcasting Corporation*. 08.11.2024. <https://www.gbcghanaonline.com/general/abantu-begins/2024> (accessed: 10.02.2026).

Ekpe R. Ghana's Gender Equity Agenda: Taking Stock of Affirmative Action. *Ghana Broadcasting Corporation*. 02.03.2026. <https://www.gbcghanaonline.com/features/affirmative-action-ghana-2/2026> (accessed: 15.02.2026).

Ghana Population. *Worldometer*. 2026. <https://www.worldometers.info/world-population/ghana-population> (accessed: 20.02.2026).

Ghana. Bridging the Gap: Policy Innovations to Put Women at the Center of Food Systems Transformation in Africa. *Malabo Montpellier Panel*. June 2023(1). https://www.mamopanel.org/media/uploads/files/Ghana_Case_Study-Bridging_the_Gap-Policy_Innovations_to_Put_Women_at_the_Center_of_Food_Systems_Transformation_in_Africa.pdf (accessed: 11.02.2026).

Ghana: Female to male ratio, students at tertiary level education. *The Global Economy*. 2023(2). https://www.theglobaleconomy.com/Ghana/Female_to_male_ratio_students_tertiary_level_educ (accessed: 10.03.2026).

Ghana: Women in Parliament. *The Global Economy*. 2024. https://www.theglobaleconomy.com/Ghana/Women_in_parliament (accessed: 10.03.2026).

Ichino N., Nathan N.L. Political Party Organization and Women's Empowerment: A Field Experiment in Ghana. *National Commission of Civic Education*. 2017. https://poverty-action.org/sites/default/files/publications/Ichino_PoliticalPartiesWomensEmpowermentGhana.pdf (accessed: 18.02.2026).

Medium Term Expenditure Framework (MTEF) for 2023-2026. *Ministry of Gender, Children and Social Protection, Republic of Ghana*. 2023. <https://mofep.gov.gh/sites/default/files/pbb-estimates/2023/2023-PBB-MOGCSP.pdf> (accessed: 15.03.2026).

National Gender Policy. *Ministry of Gender, Children and Social Protection, Republic of Ghana*. 2015. <https://www.mogcsp.gov.gh/mdocs-posts/national-gender-policy> (accessed: 15.03.2026).

Odame F.S. Ghanaian Traditional Women Leaders and Sustainable Development: The Case of Nadawli Districts in Northern Part of Ghana. *APSA 2012 Africa Workshop Paper*. 2012. <https://ssrn.com/abstract=2205435> (accessed: 10.02.2026).

Odame F.S. Women in Politics in Ghana. A Study on Local Government in the Greater Accra Region. *Wa: University for Development Studies*. 2010. <https://www.ajol.info/index.php/gjds/article/download/61401/49552> (accessed: 14.02.2026).

Women in parliament – Country rankings. *The Global Economy*. 2023. https://www.theglobaleconomy.com/rankings/Women_in_parliament/Africa (accessed: 10.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна – к.и.н., в.н.с.,
зав. Центром изучения стран Тропической
Африки, Институт Африки РАН, Москва,
Россия.

Tatyana S. DENISOVA, PhD (History), Leading
Research Fellow, Head of the Center for Tropical
Africa Studies, Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович –
к.полит.н., в.н.с., зав. Центром
социологических и политологических
исследований, Институт Африки РАН,
Москва, Россия.

Sergey V. KOSTELYANETS, PhD (Political
Science), Leading Research Fellow, Head of the
Center for Sociological and Political Sciences
Studies, Institute for African Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.